

Е. А. Гапанович (г. Минск, Беларусь)

**ПРИНЦИПЫ КОДИФИКАЦИИ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ**

В статье рассматриваются принципы кодификации современной французской грамматической нормы, определяемые многофакторным подходом. Установлено, что требование строгой нормализации грамматических

единиц, доминировавшее в XVII–XIX вв., сменилось более гибкой парадигмой стандартизации, признающей варианты употребления, допускающей свободу в их выборе пользователем, ориентирующей также на соответствие форм текстовому пространству и коммуникативному заданию. Сделан вывод о необходимости баланса между академичностью и толерантностью для поддержания функциональной и культурно релевантной грамматической нормы.

Ключевые слова: *кодификация, грамматическая норма, нормативная уместность, вариативность.*

Y. Hapanovich (Minsk, Belarus)

PRINCIPLES OF CODIFYING THE CONTEMPORARY FRENCH GRAMMATICAL NORM

The article examines the principles underlying the codification of contemporary French grammatical norms as shaped by linguistic and pragmatic factors. It demonstrates that the previously dominant strict normalization of grammatical forms in the 17th–19th centuries has been replaced by a more flexible approach that acknowledges variants of usage and focuses on the fit of forms to specific textual and communicative contexts. The conclusion calls for balancing normative standards with grammatical tolerance to maintain a functional and culturally relevant linguistic norm.

Key words: *codification, grammatical norm, normative appropriateness, variability.*

Различие в интерпретации грамматической нормы – как совокупности правил образования и употребления грамматических форм и как инструмента социального взаимодействия и культурного самовыражения – определяет различные ракурсы изучения упорядоченного языкового материала. И тот факт, что языковая норма в качестве социально-исторической категории входит в парадигму норм и регулятивов, представленных в обществе в разные периоды его развития [1], приводит к необходимости периодически обновлять сами принципы отбора грамматических единиц, подлежащих фиксации, и подходы их представления в стандартизирующих источниках. Действительно, в XVII веке в период появления первых нормативных источников французского языка, основным условием к кодификации являлся ориентир на чистоту языка и исключение вариативности, что должно было ограничить высокую изменчивость произношения и лексического состава. Усилия учредителей нормы исходили из неподвижности грамматического строя и, в целом, были направлены на стабилизацию и упорядочивание всей системы языка.

К вышеописанным принципам кодификации грамматической нормы французского языка правомерно добавить три универсальных критерия, которые применимы и к любому другому языку, а именно: 1) соответствие

внутренним закономерностям языкового строя; 2) массовое и регулярное употребление языковых форм носителями; 3) признание и закрепление в официальных источниках, изданных экспертными инстанциями, национальными академиями, лингвистическими комиссиями и образовательными учреждениями. К числу стандартизирующих письменных источников традиционно относят словари соответствующего профиля, грамматики и учебные пособия, например, *Le Dictionnaire de l'Académie française*, *le Bon usage*, *le Bescherelle*. Популярность среди франкофонов электронных словарей (*Antidote*, *Cordial*) и справочных онлайн-ресурсов (*Correcteur*) объясняется расширенными функциями последних, а именно то, что они выступают не только источниками грамматической нормы, но и корректорами.

Начиная с XX века и сами принципы кодификации языковых норм уже стали нуждаться в ревизии. В связи с массовым увеличением академических изданий, в которых, во-первых, отмечалась сложность в применении правил, и, во-вторых, обсуждалось их отставание от реальности и консервативность, появилась необходимость официально признать вариативное разнообразие. Кодификаторы стали идти на уступки и действовать в интересах пользователей нормы, стараясь сделать ее более адекватной языковой практике. Так, в постановлении от 19 июня 1990 года Высшего Совета французского языка в отношении согласования отмечалось: «*La règle actuelle, qui ne date que de la fin du XVIe siècle, est d'une application difficile et donne lieu à des fautes très nombreuses, même chez les écrivains*» ‘Современное правило, установленное лишь в конце XVI века, трудно применимо и вызывает многочисленные ошибки, даже среди писателей’. Отсюда востребованным становится принцип кодификации, определяемый как *tolérance grammaticale* ‘грамматическая толерантность’ [2]. Данное требование позволяет допускать и признавать варианты грамматического употребления, ранее считавшиеся ошибочными, при условии, что они постепенно закрепляются в практике носителей языка. При этом официальные нормы рекомендуют сохранять традиционные формы до тех пор, пока новые варианты не получат широкого признания и не станут общепринятыми. В этом случае мы наблюдаем баланс между соблюдением исторически установленных норм и постепенным принятием языковых изменений, возникающих в результате реальной практики. Так, в постановлении от 28 декабря 1976 года разрешается согласование формантов *ni* и *demi* с существительным: *elle courait nus-pieds*; *une demi-heure* (без согласования) и *nus-pieds*; *une demie-heure* (согласованное).

К числу коллективных языковых инициатив в настоящее время можно отнести и ряд проектов, сфокусированных, в том числе, на актуализации франкоязычных грамматических ресурсов. Например, *Витрина языковых ресурсов*, созданная Квебекским офисом французского языка (OQLF). Она была запущена совсем недавно (в 2022 году) и предоставляет пользователям доступ к обновленному массиву языковых данных, объединяя в себе Большой терминологический словарь (*GDT*) и Банк языковой помощи (*BDL*), а также дополнительные лингвистические базы, справочники и инструменты,

поддерживающие стандартизацию и развитие французского языка. Под руководством А. Абей и Д. Годара при поддержке Федерации ILF CNRS, DGLFLF, Университета Париж 7 и LabEx EFL в 2021 г. был реализован проект по изданию как в печатном виде, так и в цифровом формате 20 тематических разделов, доступных на сайте *grandegrammairedufrançais*. Еще в одном медиапроекте *J'aime les mots*, объединившем усилия около пятидесяти лингвистов из 30 университетов и лабораторий Франции и других стран, французские синтаксические единицы и их семантические, дискурсивные и просодические особенности описаны в соответствии с актуальными запросами широкой аудитории. Например, носители языка массово отказываются применять правило согласования дополнения в препозиции вспомогательному глаголу *avoir*, не понимая целесообразность такого нормативного требования. Их негативное отношение к правилу, представляющему собой одну из главных трудностей французского языка, подкрепляется мнением и самих авторов академического и авторитетного справочника *le Bescherelle*, называющих это правило «самым искусственным во французском языке» [2]. Авторы проекта *J'aime les mots*, осознавая значимость сохранения нормы согласования и используя исторический подход, апеллируют к особенностям письма и восприятия текста в Средневековье. Они обосновывают целесообразность правила тем фактом, что в условиях ограниченного места для написания было необходимо фиксировать языковое окружение, и, соответственно, выполнять согласование дополнения с глаголом. Более того, для написания длинных предложений в эту эпоху в качестве примера была взята норма итальянского языка, в которой передача звуков на письме отражала однозначно произношение. Многофакторное объяснение этого сложного правила было бы неполным, если не учитывать и социально-культурную составляющую – активное его продвижение поэтом и гуманистом эпохи Ренессанса К. Маро и постоянный контроль со стороны Французской академии. Как видим, языковой материал, фиксируемый в вышеупомянутых проектах, представляет собой примеры не только лексических особенностей французского языка, но и его грамматического строя. И если последние не меняются столь радикально, чтобы говорить о значимости этого параметра для актуализации нормы, то интерпретация сути грамматической правильности меняется весьма существенно за последнее несколько десятилетий. Переосмысление данного понятия, начавшееся в 1970-х годах, привело к явному противопоставлению традиционной (*grammaire traditionnelle*) и новой грамматики (*grammaire actuelle*), для которой важна уже не корректность отдельных словоформ, а правильность употребления группы слов и предложения в целом: «on reconnaît en effet que, pour qu'une phrase soit correcte, elle doit non seulement être construite correctement, mais elle doit s'articuler avec les autres phrases qui la précèdent et qui la suivent» [3, p. 54], что и составляет основу нового видения грамматики – *grammaire actuelle*, предлагаемой канадскими, швейцарскими и французскими лингвистами [4, p. 18]. В рамках актуальной грамматики грамматическая корректность рассматривается не только как соответствие формальным правилам, но и как согла-

сованность высказывания с коммуникативной ситуацией и текстовым окружением. Иначе говоря, допустимость некоторых форм и конструкций, которые в традиционной грамматике могли бы считаться ошибочными или неуместными, признается, если последние функционально оправданы и приемлемы для конкретного контекста. Нарушение синтаксической логики из-за семантической рассогласованности подлежащего и герундиального оборота во французской пословице *L'appétit vient en mangeant* или во фразе *Maria n'ira pas bien loin, car, en quittant la maison, ses pieds étaient déjà endoloris* не является критичным для понимания и при необходимости может быть легко уточнено, например, редактором издаваемого романа. При употреблении похожей двусмысленной конструкции в другом контексте – в качестве завершающей фразы в письме: *Espérant une réponse favorable, veuillez agréer*, ошибка, которую уже никоим образом нельзя будет исправить после отправки документа, сыграет деструктивную роль для эффективности общения. Обратившись к адресату с помощью глагола повелительного наклонения *veuillez*, автор послания сообщает, что надеяться будут оба: *espérant une réponse positive*. Как видим, новый подход к пониманию грамматической нормы исходит из pragматической составляющей коммуникативной ситуации. Для объективации подобных взглядов, по мнению Ж.-Кл. Корбеля [5, p. 26], необходимы pragматически ориентированные нормативные издания.

Как отмечалось выше, норма формируется, трансформируется и функционирует в разнообразных социальных и исторических условиях. Культурно-энциклопедический же подход к грамматической норме французского языка представляет норму уже не как набор изолированных правил, а как часть широкого культурно-исторического и лингвистического контекста. Представление правил пользователям сопровождается историческими сведениями, примерами и комментариями, что способствует комплексному восприятию кодифицируемых форм. Например, при анализе в словарной статье морфемы «social» и вариантов ее согласования, указывается, что в традиционном написании *la SOCIAL-démocratie, les SOCIAL-démocraties* меняется именно первый элемент:

Cent sept NATIONAUX-socialistes (BAINVILLE, Allemagne); Doctrines NATIONALES-socialistes (dans le Figaro litt., 19 avril 1952); Dictature nationale-socialiste (J. VANWELKENHUYZEN).

Однако в контексте немецкого социума *social* остается неизменным:

Médecins SOCIAL-fascistes [terme de dérision] (ARAGON, 1931).

В современном же французском *social* меняется по роду и числу:

Régimes SOCIAUX-démocrates (M. DUVERGER); Les SOCIAUX-démocrates (TODD). Listes SOCIALES-chrétiennes (X. MABILLE, Hist. polit. de la Belg., 1997) [6].

Отметим, что изначально кодификация была ориентирована на литературное употребление французского языка как наиболее репрезентативное в социальном и коммуникативном плане. Вместе с тем тот факт, что во французской художественной литературе встречаются сознательные откло-

нения от норм, направленные на создание стилистического эффекта, ставит под сомнение абсолютное превосходство языковых форм художественного стиля. Например, употребление слов *midi* (полдень) и *minuit* (полночь) в женском роде – *la midi, la minuit* – вместо нормативного мужского рода с определенным артиклем во фразе *Ce pouvait être vers la minuit* с целью архаического или старомодного звучания, в то время как с помощью *Douze heures* маркируется официально-деловой стиль. Более того, в таком издании как *Les plus jolies fautes de français de nos grands écrivains* критикуется грамматическая небрежность людей, с которых массовый читатель должен был бы брать пример. Так, в своем письме Пруст неправильно согласовывает подлежащее и сказуемое: *Si les proportions un peu vastes qu'a prises la Recherche du Temps perdu vous donnait quelque regret d'en avoir entrepris la publication, ne craignez pas de me froisser ni de me nuire.* Или М. Дюра совершает одну из самых частотных ошибок согласования в эмфатической конструкции: *C'est en son absence que la mère a acheté la concession. Terrible aventure, mais pour nous les enfants qui restaient, moins terrible que n'aurait été la présence de l'assassin des enfants de la nuit, de la nuit du chasseur* (Duras, *L'Amant*). С этих позиций редактор издательства *Bordas* предпочитает создавать собственные примеры нормативного использования, а не ссылаться на литературные тексты, поскольку современные писатели не всегда служат образцом правильного языка: «Il fut une époque où les œuvres des grands écrivains fondaient le bon usage. De nos jours, il n'est plus de prosateurs dont la langue fasse autorité» [7].

Разнообразие источников обуславливает и разнообразие представления правил. И если для регуляции и упорядоченности функционирования морфологических форм слов и синтаксических конструкций важен однозначный выбор, то в современных словарях они уже представлены в виде систематизированного перечня возможных вариантов употребления языковых средств: *des problèmes linguistiques qui peuvent nous préoccuper, et à nous guider dans un choix souvent difficile* [8]. При этом сведения о грамматической норме, фиксируемые в виде четко сформулированных правил, отражают единую объективную позицию их учредителей и кодификаторов, в то время как отсылка к мнению широкого круга лингвистов оставляет за пользователем право на выбор собственной позиции. Как, например, при выборе формы *J'ai été* или *Je suis allé* в словаре указывается, что первая рассматривается одними учеными как форма разговорного языка [9], тогда как другие считают *Je suis allé* проявлением претенциозности [10, с. 24]. Аналогично для вводного оборота *par ailleurs* предлагается информация о вариативности употребления, обусловленная динамикой значений. Как отмечает Э. Литтрэ, *par ailleurs* сперва означало *par une autre voie* ‘другим способом’. Например: *Il faut faire venir vos lettres par ailleurs* ‘Пусть ваши письма будут доставлены другим путем’ [6]. Такое употребление считалось единственным допустимым вплоть до конца XIX века. Новое значение ‘с другой стороны’, ‘кроме того’ долгое время отвергалось пуритами как неправильное и неприемлемое, несмотря даже на лояльность Академии. Тем не менее, в XX веке нормоустроительные инстанции были вынуждены пойти на уступки и признать

узуальное значение. В литературной и устной речи стали встречаться примеры: *Je l'ai trouvé très irrité et, par ailleurs, décidé à se retirer* ‘Я нашел его очень раздраженным и, кроме того, решил удалиться’. *Par ailleurs, devant la gare s'élevaient d'énormes lampadaires...* ‘Кроме того, перед вокзалом возвышались огромные фонари...’. Таким образом, носители языка получают право самим выбирать между значениями и вариантами употребления. Те, кто строго придерживается грамматических норм, могут предпочесть синонимы *d'autre part, en outre, ailleurs*, о чем весьма корректно заявляет автор словаря: «*Ceux qui craignent d'offenser la grammaire*» [10].

Словари, справочники и учебные пособия часто отстают от реальной языковой практики по вполне объективным причинам, например, из-за длительного процесса подготовки и публикации. В результате этого нормой предписано соблюдать формы, которые уже выходят из употребления, а говорящим приходится прилагать значительные усилия по поддержанию живучести грамматических форм, со временем ставших неудобными и неестественными. Так, самой правильной после союза *après que* считается форма прошедшего совершенного времени изъявительного наклонения *passé antérieur*, например, *après qu'il eut fini* ‘после того как он закончил’. Однако в повседневной речи эта устаревшая, слишком официальная и литературная форма почти не используется. И существует вполне логичное объяснение его исчезновения: оно употребляется в придаточном предложении, если в главном будет *passé simple* – время, тоже не употребляемое в разговорной речи.

В соответствии с социолингвистическим принципом кодификации реализуются и нормотворческие инициативы. Первая серьезная попытка кодификации языковых норм была предпринята при Франциске I при издании государственного указа – ордонанса Виллер-Котtre (1539), который обязал использовать французский язык вместо латыни в юридических документах. Это была не борьба с региональными языками, как иногда ошибочно считают, а передача от латинского языка национальному языку своего статуса власти и науки. Таким образом, в XVII веке началось официальное закрепление грамматических норм французского языка и установление над ними государственного контроля, который впоследствии только усилился. В 1635 году при поддержке кардинала Ришелье была создана Французская академия, которой было поручено систематизировать языковые ресурсы и разработать словарь и грамматику. Это указывало на социолингвистический принцип кодификации, воспринимаемый как инструмент централизованного регулирования и стандартизации языка и отражающий политическую и культурную власть государства. И сегодня протестуя против инклюзивного письма, Академия строго следует правительенным циркулярам. В то же время она может занимать такую позицию, как «позволять говорить», а не «жестко запрещать» или «предписывать». Также ею была проведена либерализация существительных, называющих профессии, допускающая параллельное употребление феминитивов, например, *Madame le Recteur / Madame la Rectrice*. В онлайн-версии словаря уже отмечается одновременное употребление форм *autrice* и *auteure*, отдавая предпочтение первой, что указывает на стремление не терять позиции и успешно выдерживать конкуренцию с другими кодификаторами [11].

Примечательно, что ввиду массовости и высокой степени представленности регионализмов на франкофонной территории весьма значимой для языкового сознания является их фиксация наряду с разговорными формами, с одной стороны, противопоставленных центростремительной норме национального языка, а с другой, наоборот, защищающих его от конкурента – английского языка: «Le marquage régionalisant est une façon sinon de faire barrage à de grandes langues concurrentes du français (en particulier l'anglais), du moins une façon de remplir un rôle d'épouvantail» [12]. Для многих лингвистов, к числу которых относится и Б. Вавасори, подобные варианты являются не ошибками, а разными способами «оживления» языка, указывающие на происхождение говорящего [13]. Так, регион Юго-Запада Франции выделяется не только своими собственными словами, например: *J'ai tombé mon stylo* вместо *J'ai fait tomber mon stylo* или *J'ai tombé ma veste* вместо *J'ai enlevé ma veste*, но и калькированием синтаксической модели из окситанского регионального языка [7]. При этом и грамматическая избыточность в употреблении местоимений, обычно критикуемая туристами, не считается отклонением: *On se mange un cassoulet, Je me bois une bière, Change-toi de chaussettes!* Несмотря на то, что регионализмы еще совсем недавно не являлись объектом строгого официального языкового контроля, интерпретация вариативности грамматической нормы и маркировка региональных форм не только как проблемных, но и как возможных, позволяет носителям осознанно высказывать предпочтение в их пользу. По мнению М. Аванзи, региональные грамматические формы, отражая привычное языковое поведение, воспринимаются носителями, и в том числе им самим, как вполне естественные и адекватные языковой практике, и даже не осознаются как расхождение с академической нормой: «Moi j'ai toujours dit c'est quelle heure, et j'ai longtemps cru que c'était une formule que tout le monde employait... J'ai compris que c'était un régionalisme le jour où une collègue parisienne m'a repris, et m'a dit que c'était pas français. Et moi, un peu interloqué, je lui ai dit: Ah bon? Pourtant moi, j'ai toujours dit comme ça... Intérieurement, je pensais surtout: Mais qu'est-ce qu'elle est à cheval sur la grammaire, c'est fou pour une linguiste...» [14]. Аналогично использование предлога *en* вместо *à* перед названиями городов, особенно начинающихся с гласной, признаваемое Французской академией: *en Arles, en Avignon*, которое объясняется, с одной стороны, как архаизм, датируемый классической эпохой, а с другой – как провансальский регионализм [15]. Данное употребление подчинено принципу признания социолингвистической вариативности нормы, который и делает принцип социолингвистического портретирования релевантным для современной кодификации грамматической нормы, что составляет ее специфику: «En effet la prise en compte des langues régionales passe surtout par la généralisation des informations étymologiques. Par ailleurs ce que nous avons appelé la «reconnaissance identitaire», à partir de cette diversité linguistique (diversément) mise en vitrine (au demeurant), apparaît de fait plutôt contrôlée» [12].

Наконец, благодаря исследованию корпусов устных языковых форм и структур, начатому в 1950 году, кодификация последних носит регулярный характер. Таким образом, в грамматиках, словарях и т. д. фиксируются те же нормы, что объективно существуют в самом языке, но из них отбираются те, которые полагаются носителями языка наиболее правильными, предпочтаемыми и образцовыми, подтверждающими жизненность принципа аксиологичности нормы. Влияние же социальных реалий на языковые привычки и предпочтения отмечается и преподавателями: школьники, у большинства из которых родители находятся в разводе, воспринимают близких родственников как отдельных индивидов, «не в паре», и вследствие этого неправильно согласуют сказуемое с подлежащим в фразе *Papa et maman se demandait* вместо *se demandaient*, что указывает на взаимодействие языковой нормы с социокультурным контекстом.

Таким образом, на современном этапе кодификации французской грамматической нормы наблюдается предоставление выбора пользователю. Жесткие правила не навязываются, а систематически фиксируют различные языковые варианты, из которых используются наиболее уместные. С этих позиций важен баланс между жесткой нормативностью и толерантностью к вариантам, проявляющимся в разных регионах и социальных группах, а также учет реальной языковой практики, социального и исторического контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – URL: [/http://taper-mark.narod.ru/les/337b.html](http://taper-mark.narod.ru/les/337b.html) (дата обращения: 31.10.2024).
2. Le Bescherelle : grammaire. – 3 Volumes. – Hatier, 2024. – 896 p.
3. Catach, N. Les tolérances grammaticales et orthographiques / N. Catach // Pratiques. – 1979. – № 25. – P. 114–115.
4. Lefrançois, P. De la nouvelle grammaire à la grammaire actuelle / P. Lefrançois // Québec français. – 2003. – № 131, automne. – P. 53–54.
5. Guay, M. Grammaire traditionnelle ou nouvelle grammaire? Une fausse question, un vrai débat / M. Guay // L'Actualité langagièrre. – 2011. – Vol. 8. – № 1. – P. 18–20.
6. Littré, É. Le Littré: Dictionnaire de la langue française en un volume. – Littré 2000. – 1839 p.
7. Corbeil, J.-C. Le MULTI, un dictionnaire pragmatique / J.-C. Corbeil // Québec français. – 2004. – № 134. – 26–27.
8. Bernier, G. Compte rendu de [Multidictionnaire de la langue française] / Marie-Éva de Villers. 4 e éd. Montréal : Québec Amérique, 2003. xxv, 1542 p. (Cédérom de la 3 e éd. sur le marché) / Dictionnaire des difficultés du français / Jean-Paul Colin. Paris : Dictionnaire Le Robert VUEF, 2002. 676 p. (Les usuels) / Nouveau dictionnaire des difficultés du français moderne / (Joseph) Hanse, (Daniel) Blampain. 4 e éd. Bruxelles : De Boeck Duculot, 2000. 649 p. (Cédérom également)] / G. Bernier // Documentation et bibliothèques. – 2003. – № 49 (3). – P. 141–143.

9. Kern, E. Les plus jolies fautes de français de nos grands écrivains / E. Kern, A. Boquel. – Payot, 2015. – 128 p.
10. Girodet, J. Dictionnaire Bordas des pièges et difficultés de la langue française. – Bordas, 2001. – 896 p.
11. Dictionnaire de l'Académie française. – URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A4E0660>.
12. Rey, Ch. Regard sociolexicologique sur le «bon usage régional» du Dictionnaire de l'Académie française / Ch. Rey, I. Pierozak // Bon usage et variation sociolinguistique, édité par Wendy Ayres-Bennett et Magali Seijido, ENS Éditions, 2013. – P. 159–170.
13. Vavassori, B. A bisto de nas / B. Vavassori. – Loubatières, 2002. – 268 p.
14. C'est la France. – URL: <https://www.radiofrance.fr/franceinter/podcasts/c-est-la-france/13h54-c-est-la-france-du-lundi-31-mars-2025-5530937> (date of access: 31.10.24).
15. Brunot, P. Précis de grammaire historique de la langue française / P. Brunot, Ch. Bruneau – Paris, 1956. – 641 p.